

РУССКАЯ ИДЕЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Питирим Сорокин в своей известной работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» отметил поразительную жизнеспособность русской нации: несмотря на тяжелейшие испытания и исторические катастрофы, которые Сорокин прослеживает в русской истории с IX по XX в., русская нация демонстрировала фениксоподобную возрождаемость и расцвет творческих сил.

Мы вправе задать вопрос: сумеют ли русские преодолеть очередную национальную катастрофу, которая длится вот уже два десятилетия, а мы при этом не видим ни внутренних, ни внешних условий не только для творческого развития, но и для простого выживания когда-то великой нации?

Было бы наивным ожидать, что в публикуемом цикле исследований по теме русской идеи и национальной философии содержатся окончательные ответы на вызовы нашего времени. Тем не менее можно с удовлетворением констатировать: новое поколение исследователей в современной России пытается подхватить эстафету у своих выдающихся предшественников – прежде всего мыслителей русского Серебряного века. Характерно, что передача такой эстафеты проходит по осевому измерению русского вопроса, а именно вопроса о русском видении национального и вселенского идеала, то есть онтологического совершенства бытия – идеала, который терминологически закреплен как «русская идея».

Русская идея есть *sui generis* энтелехия русского мировоззрения и – тем самым – смысловая доминанта национальной философии. Нацио-

нальной философии? Разве она когда-нибудь существовала в России? Были, конечно, попытки ее формирования, начатые славянофилами первой волны, продолженные творческими усилиями Владимира Соловьёва – автора самого именованного «русская идея» – и подхваченные затем оригинальными и глубокими исследованиями русских мыслителей Серебряного века. В советский период произошел срыв этого высокого задания русской мысли, ибо вместо развития русской идеи как национальной философии русскому народу и народам бывшего Советского Союза была навязана «единственно научная» идеология марксизма-ленинизма. Но, как было сказано в Евангелии, все, что начато не от Бога, но от самих людей, недолговечно и неизбежно рушится само собою. Как правильно отмечали в этой связи Н. Бердяев и С. Франк, все великие замыслы, основанные на человеческих своеволии и гордыне, ждет судьба Вавилонской башни.

Понятно – по крайней мере, духовно и интеллектуально выздоравливающим силам русской нации, – что мы не вправе не учитывать этих горьких уроков исторического опыта своего недавнего прошлого. Ростки такого понимания, на мой взгляд, можно проследить и в публикуемом цикле статей.

В. А. Фриауф,
доктор философских наук,
профессор кафедры религиоведения
и философской антропологии
Саратовского государственного
университета

УДК 316.33

МЕТОДОЛОГИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

Д. А. Аникин

Саратовский государственный университет
E-mail: dandee@list.ru

В статье рассматриваются работы малоизвестных русских философов начала XX в. И.М. Гревса и Н.П. Анциферова, посвященные проблеме конструирования социальной памяти с помощью экскурсионных практик. Автор рассматривает методологические предпосылки подобного отношения к прошлому и выявляет потенциал использования конструктивистской методологии для решения актуальных вопросов социальной философии.

Ключевые слова: социальная память, методология, русская философия, практики, стратегии конструирования.

Methodology of Designing of Social Memory in Russian Philosophical Tradition

D. A. Anikin

In article works of little-known Russian philosophers of the beginning of XX century I. M. Grevs and N. P. Antsiferov, devoted to a problem of designing of social memory by means of excursion an expert are considered. The author considers methodological preconditions of the

similar relation to the past and reveals potential of use of constructivist methodology for the decision of pressing questions of social philosophy.

Key words: social memory, methodology, Russian philosophy, experts, designing strategy.

Несмотря на то что методология, рассматривающая прошлое в качестве источника легитимации современной конфигурации социокультурного пространства, в наиболее полной форме оказывается представлена в постструктуралистском проекте «памятных мест» П. Нора, предпосылки такого понимания истории можно найти уже у представителей русской философской мысли XIX в. Несомненным предшественником пространственного анализа прошлого следует считать Л. П. Карсавина¹. Другим, не менее важным, но, к сожалению, редко анализируемым аспектом исследования прошлого в русской философской традиции является вопрос о способах обращения к нему и о социальных практиках актуализации исторических событий.

Особое внимание в этом контексте привлекают фигуры И. М. Гревса и Н. П. Анциферова, традиционно рассматриваемые в аспекте краеведческого и антиковедческого знания². Вместе с тем представляется продуктивным исследовать их воззрения, касающиеся не только способов отражения прошлого в настоящем, но и их сознательного использования в культурно-просветительских или политических целях, в социально-философском ракурсе, выделив те методологические основания, которые могут быть применены к анализу современного состояния политики памяти.

Для начала следует в общих чертах обозначить жизненный путь И. М. Гревса и Н. П. Анциферова для понимания того места, которое они занимают в истории развития философско-исторических исследований и вообще в истории русской культуры. Иван Михайлович Гревс (1860–1941) вырос в дворянской семье и достаточно рано заинтересовался античной культурой, в исследовании которой он опирался на социально-антропологическую методологию Ф. де Куланжа и его ученика Э. Дюркгейма. Данная методология, в принципе не характерная для отечественных антиковедов, делала особый упор на исследование места отдельного факта в структуре сопутствующих социальных феноменов, причинно-следственных связей. Такой подход менял само понимание исторического факта, позволяя уйти от позитивистской методологии И. Дройзена в сторону конструктивистской направленности исторического исследования. Исторический факт в данном случае становился не прямым свидетельством присутствия прошлого в настоящем, неким «сухим остатком», являющимся продуктом очищения от исследовательских интерпретаций, а продуктом этих интерпретаций, очертания которого определялись тем теоретико-методологическим контекстом, который выстраивался самим исследователем³.

Данная методология, разумеется, присутствовала в антиковедческих исследованиях И. М. Гревса в «свернутом» виде, проявляясь в анализе конкретных социально-экономических и социально-политических явлений и накладываясь на те теоретические схемы, которые в настоящее время признаются специалистами в области античности безусловно устаревшими. Вместе с тем чуткость к методологическим инновациям сделала возможным обращение И. М. Гревса в зрелом периоде своего творчества к тем вопросам, которые выходили далеко за пределы компетенции исследователя античности. В философско-историческом плане ученый был сторонником индивидуалистического подхода, рассматривая в качестве единицы исторического процесса отдельную личность, в которой, однако, как в зеркале, отражается определенная историческая эпоха, а также социальная общность, пропитывающая своими культурными стереотипами внутренний мир личности⁴.

Любая социальная общность, согласно взглядам И. М. Гревса, представляет собой «собирательную личность», причем наиболее значимыми он считал край, город и нацию. Данное положение позволяет говорить о том, что перекликаются идеи его и другого выдающегося русского философа – Л. П. Карсавина, который, исходя из методологии всеединства, разрабатывал понятие «симфоническая личность». С точки зрения Л. П. Карсавина, она – субъект исторического познания, коллективный по своему составу, но личностный, индивидуальный по степени отражения в своих мировоззренческих позициях общечеловеческого всеединства⁵. «Симфонические личности занимают в структуре общества промежуточное место между индивидуумом и церковью, они не только объединяют индивидов, но и являются единствами объединенных индивидуумов»⁶.

Но если Л. П. Карсавин, логически развивая свою идею, пришел к выводу о том, что взаимодействие уникальных «симфонических личностей» и создает неповторимую траекторию исторического процесса, то И. М. Гревс не поднимался до подобных обобщений, оставаясь в пределах научно ориентированной методологии философско-исторического знания. С его точки зрения, сугубо теоретическое, «кабинетное» знание не способно создать целостное представление об определенной «собирательной» личности, и тем более не способно сформировать ощущение исторической преемственности не у профессиональных историков, а у широких слоев населения. С целью приобщения людей к прошлому, формирования у них чувства принадлежности к конкретной «собирательной» личности И. М. Гревс предлагал сделать акцент на актуализации исторических знаний практическим путем, а именно на развитии экскурсий и туристических поездок⁷.

Интересно, что первоначально И. М. Гревс рассматривал экскурсию прежде всего в качестве средства самообразования учителя, своеобразного иллюстративного материала, из которого учителя могут черпать примеры, способствующие усвоению учениками теоретического материала. Но постепенно он приходил к выводу, что еще наглядней окажется знание, которое будет усваиваться непосредственно самим учеником, а не транслироваться ему учителем. «В душевной жизни ребенка необходимо, чтобы деятельность органов внешних чувств непрерывно питала работу памяти, воображения и отвлеченного мышления, то есть оба конца познавательного процесса – ощущение и рассуждение – должны в ней постоянно вновь смыкаться и соприкасаться друг с другом»⁸. В этом случае экскурсия должна стать неотъемлемым элементом учебного процесса, способствуя усвоению учеником преподаваемого материала. Иначе говоря, наряду с познавательной экскурсия играет еще и воспитательную роль, именно поэтому исследователь обращает внимание на тщательную проработку экскурсионного маршрута, так как от этого зависит приобретение учениками соответствующих знаний.

Выступая в данном случае не только теоретиком, но и практиком (под руководством И. М. Гревса проводились экскурсии для студентов по Италии, посвященные изучению памятников Античности и Средневековья), ученый весьма требовательно подходил к подготовке такой экскурсии. Она не могла проводиться спонтанно, а должна была опираться на серьезную научную подготовку, только в этом случае являясь элементом научной деятельности, а не пустым времяпровождением. С точки зрения Гревса, экскурсия как наиболее действенный тип актуализации исторических знаний и, соответственно, репрезентации прошлого в настоящем должна включать несколько основных элементов:

1) предпосылкой экскурсии обязательно должна быть познавательная нацеленность всех участников. Экскурсия должна не давать сиюминутные впечатления, а помогать усвоению уже заранее полученных теоретических знаний. По словам А. Лычко, «задача имела в виду более строгая и деловая: продолжить с методической последовательностью и ригористическим напряжением труд, начатый среди лабораторной обстановки семинария, перенеся его в новую среду, действуя при помощи новых источников; изучать те же культурные явления, с которыми ознакомление происходило раньше по письменным текстам, переданным от далекого прошлого, за книгой у библиотечного стола, в стране, далекой от их родины, – изучать их теперь по вещественным следам, переместившись на ту самую почву, где слагались творившие их процессы»⁹;

2) необходимо четкое определение объекта исследования, в качестве которого может выступать конкретная историческая эпоха или «собирабельная личность». В соответствии с задачей максимально полного раскрытия культурного своеобразия данной «собирабельной личности» и должен строиться график, а также выстраиваться траектория экскурсии. Не относящиеся к предмету исследования культурные артефакты необходимо исключать из маршрута, потому что они могут нарушить целостность и непротиворечивость изучаемого исторического прошлого¹⁰;

3) важным условием, способствующим успеху познавательной задачи, стоящей перед экскурсией, является хорошо подобранный состав участников – их не должно быть слишком много, чтобы каждому уделялось достаточное внимание; участники должны быть подготовлены к восприятию культурных артефактов. «Надо точно знать, что будешь видеть и делать так, чтобы реализуемая экскурсия являлась как бы воплощением того, что уже прошло через ум и фантазию в тех или иных символизированных знаках»¹¹. Предварительная теоретическая подготовка служит прологом к логическому завершению экскурсий, которым является проверка полученных в процессе экскурсионной практики знаний и определение их соответствия предварительно именованным, полученным на занятиях.

Но говоря о соответствии практических навыков теоретическим знаниям, необходимо определить, каков критерий этого соответствия или какой образ прошлого нуждается в актуализации посредством экскурсионных практик. Ответ на это вопрос попытался дать в своих работах ученик И. М. Гревса Николай Павлович Анциферов, причем в своем варианте рассмотрения экскурсионных практик он отталкивался от городского пространства, понимаемого им как особый «социальный организм»¹². Главной задачей экскурсии должно стать, по его мнению, понимание *genius loci*, концентрирующего в себе те черты, которые обеспечивают своеобразие отдельного города. В данном случае экскурсовод раскрывается как исследователь, первооткрыватель и одновременно передатчик этого неповторимого «духа места» менее образованным экскурсантам.

В качестве практических мероприятий Н. П. Анциферов исследовал Санкт-Петербург (в те годы уже Ленинград) как палимпсест накладывающихся друг на друга смысловых пластов, характеризующих этот город в интерпретации Н. В. Гоголя или Ф. М. Достоевского. Уделяя большое внимание литературному контексту формирования социокультурных образов, ученый обращался и к собственно историческим репрезентациям, выстраивая ту картину города, которую должны передавать современные экскурсии. С его точки зрения (во многом обусловленной обстановкой первых постреволюционных лет), «столица

на отвоеванной земле указывает и на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта, ибо неизбежен здесь обильный приток свежего, порой животворящего, а порой и мертвящего ветра из краев далеких»¹³. Уже в этих словах проскальзывают черты будущего «города революций», исторический облик которого на протяжении долгих лет определялся в официальной политике памяти силуэтом крейсера «Аврора» у невской набережной и разъяренной толпой, штурмующей ворота Зимнего дворца.

В текстах Н. П. Анциферова, посвященных Петербургу и описывающих еще дореволюционные коннотации социокультурного пространства, с социально-философской точки зрения оказывается наиболее значимым следующий вопрос: чем определяется историческая значимость тех мест, которые включаются в маршрут экскурсионных потоков? Дело в том, что сами здания безмолвны, они нуждаются в интерпретации, разъяснении своего исторического значения, но это значение может быть определено только в контексте определенной картины исторического прошлого. Иначе говоря, непосвященный зритель (а экскурсии и призваны воспитать и образовать непосвященных, сделать их соучастниками той памяти, которая разворачивается перед их глазами во время экскурсии) нуждается в соответствующих координатах исторической реальности, дать которые ему может только сам экскурсовод. Экскурсии становятся способом не только актуализации прошлого, но и его определенной интерпретации, встраивания в контекст современности.

Не делая методологических различий между экскурсиями и туризмом, Н. П. Анциферов считал, что конечной целью такой деятельности является включение индивида в определенную «собирающую личность», приобщение отдельного человека к культурным ценностям, определяющим своеобразие города, края или целого национального государства. В этом смысле туризм наделяется научно-познавательной и воспитательной функциями, то есть целью пребывания в незнакомом или малознакомом сегменте социокультурного пространства становится не просто усвоение новой информации, но и появление соответствующих этических приоритетов, формирование эстетических и нормативно-ценностных оснований деятельности. Можно согласиться с мнением А. С. Гализдры, характеризующей социальную динамику туристической деятельности, что «туризм как агент социализации предоставляет индивиду возможность адаптации к стереотипам поведения, нормам и ценностным ориентациям социокультурной среды, в которой он пребывает в момент совершения туристской поездки»¹⁴.

Вместе с тем в рамках социально-философского исследования практик конструиро-

вания прошлого представляется необходимым разделить экскурсионные и туристические по целевой и функциональной направленности. Оставляя в стороне научно-познавательную значимость туристической деятельности, следует отметить, что туризм, являясь стратегией общества потребления, нацелен на рыночную окупаемость тех или иных культурных ресурсов, их востребованность в другом культурном контексте. Предметом туристических практик может служить не обязательно артефакт, отсылающий к определенному историческому образу, но любой объект (архитектурный, природный или этнографический), вызывающий к себе интерес со стороны потенциальных туристов. Идентифицирующая функция туристических практик, скорее, построена на правиле «от противного» – наблюдаемый в туристической поездке инкультурный контекст позволяет обозначить точки расхождения в культурной идентичности между «нами» и «чужими».

Экскурсии нацелены на воспроизводство определенной социальной и культурной идентичности у той группы людей, которая включена в экскурсионные практики. Как правило, они призваны обозначить принадлежность участников к тому историческому прошлому, образы которого им демонстрируются. В этом социокультурном палимпсесте, если воспользоваться терминологией культурной географии, экскурсионные практики вычлениют слой, который представляется наиболее важным и необходимым, хотя и не исчерпывающим потенциальное многообразие социокультурного пространства¹⁵. Например, в Советском Союзе политика памяти осуществлялась посредством экскурсионных практик вроде знаменитого маршрута «По ленинским местам», что уже тогда давало оппонентам советской власти повод для шуток, что Цюрих, где В. И. Ленин прожил несколько лет в эмиграции, вполне заслуживает того, что быть включенным в этот экскурсионный маршрут.

Рассматриваемые И.М. Гревсом и Н.П. Анциферовым *экскурсионные практики* представляют собой элемент целенаправленной политики памяти, обращенной на структурирование определенной картины прошлого посредством встраивания экскурсионных маршрутов и стратегий интерпретации социокультурного ландшафта. Теоретизация роли экскурсий в учебном и познавательном процессах не только способствовала развитию в России краеведения, привлекала внимание к памятникам истории мирового и регионального масштаба, но и позволила поставить принципиальные вопросы о социально-политическом контексте исследования прошлого. Приоритет, отдаваемый местному перед всеобщим, углубленному изучению отдельных фрагментов перед попыткой «объять необъятное» – это позиция, которая в ракурсе исторической методо-

логии XIX в. стала несомненной инновацией, и позволили научному наследию И. М. Гревса и Н. П. Анциферова пережить десятилетия практически полного отсутствия упоминаний и исследований¹⁶. Несмотря на то что теоретическое наследие этих представителей гуманитарной мысли в настоящее время выглядит методологически устаревшим, поставленные ими вопросы о необходимости актуализации прошлого и предлагаемые методы актуализации позволяют воспринимать их работы в качестве важных теоретических предпосылок для исследования современной политики памяти.

Статья выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.), проект № 2.1.3/12199 «Русская философия: единство в многообразии».

Примечания

- ¹ См.: *Аникин Д. А.* От истории к памяти: стратегии исторического познания в рамках философии всеединства и структурализма // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. 2010. Т. 152. Сер. : Гуманитарные науки. кн. 1. С. 18–25.
- ² См.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. М., 2006. С. 337–396.
- ³ См.: *Ракитов А. И.* Историческое познание. М., 1982. С. 17–19.
- ⁴ В плане методологии исторического исследования эти идеи высказываются в работе (см. : *Гревс И. М.* Научные прогулки по историческим центрам Италии. М., 1903. С. 7–9.). В качестве примера практического воплощения данной методологической установки можно привести работы И. М. Гревса, посвященные Тациту, Данте и другим историческим личностям.
- ⁵ См.: *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 214–215.
- ⁶ См.: *Карсавин Л. П.* Церковь, личность и государство // Человек. 2005. № 2. С. 70–82.
- ⁷ См.: *Гревс И. М.* К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 9.
- ⁸ *Гревс И. М.* Несколько теоретических замечаний об общеобразовательном значении экскурсий // Памятная книжка Тенишевского училища в Санкт-Петербурге за 1901/02 учебный год. М., 1902. С. 107.
- ⁹ *Лычко А.* Концепция экскурсий И. М. Гревса // [Электронный ресурс]. URL: // www.kogni.narod.ru/lychko.htm (дата обращения: 24.02.2011).
- ¹⁰ *Гревс И. М.* К теории и практике экскурсий, как орудия научного изучения истории в университетах. СПб., 1910. С. 12.
- ¹¹ *Лычко А.* Концепция экскурсий И. М. Гревса.
- ¹² См.: *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного подхода. Л., 1926. С. 11.
- ¹³ *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...». Л., 1991. С. 28–29.
- ¹⁴ *Гализдра А. С.* Социокультурная динамика туризма. Саратов, 2009. С. 60.
- ¹⁵ См.: Подробнее о палимпсесте как модели социокультурного пространства (см.: *Митин И. И.* Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география. Вып. 3. М., 2006. С. 64–82).
- ¹⁶ Подробнее о смене методологических ориентиров (см.: *Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 20–41). Практический аспект переориентирования исследований от истории к памяти (см.: *Скрипкина Л. И.* Проблемы создания исторической экспозиции в контексте деидеологизации общества, смены парадигм в российской исторической науке и музейного менеджмента // Исторические экспозиции региональных музеев в постсоциалистический период / под ред. И. В. Чувиловой. СПб., 2009. С. 46–53.